



ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА FUNCTIONAL GRAMMAR

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-175-189

EDN: EPCZLA

УДК 811.161.1'367'37

Научная статья / Research article

Труды А.М. Мухина: два закона функционирования языка

В.А. Дорошенков¹  , С.А. Амахина² , Ю.Н. Сеницына¹ 

¹Краснодарский государственный институт культуры, *Краснодар, Российская Федерация*

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

 valdor1737@gmail.com

Аннотация. Исследованы теоретические постулаты лингвистического анализа, изложенные в девяти монографиях А.М. Мухина. С опорой на методы лингвистического моделирования и эксперимента в этих трудах было описано более 400 элементарных синтаксических единиц — синтаксем с их инвариантами: позиционными, факультативными, комбинаторными. Синтаксико-семантические признаки составляют содержание синтаксемы. Содержательные признаки синтаксем диагностируются на основе их дистрибутивных особенностей. Исследования функционального синтаксиса позволили выявить ряд закономерностей: синтаксемы — единицы системные, наделенные синтаксико-семантическими признаками; дифференциальные синтаксические признаки асемантичны и отражают функции компонентов в структуре предложения, то есть являются элементарными единицами. Повторяемость признаков, оппозиционные ряды синтаксем, автономность и самобытность синсематических и собственно синтаксических признаков — закономерности, касающиеся взаимодействия синтаксем и компонентов предложения. Цель исследования — формулирование установленных закономерностей функционального синтаксиса, связанных с функционированием вновь открытых синтаксических единиц. Новизна работы состоит в обосновании двух законов языка, открытых А.М. Мухиным. Первый закон касается взаимодействия компонентов предложения и синтаксем и утверждает, что языковая действительность не допускает смешения синтаксического признака однородности и синтаксико-семантических признаков, носителями которых являются компоненты предложения и синтаксемы. Второй закон — о повторяемости признаков синтаксем. Эта особенность позволила А.М. Мухину установить 27 оппозиционных рядов синтаксем.

Ключевые слова: синтаксема, компонент предложения, синтаксико-семантические признаки, синтаксические признаки, классообразующие признаки, категориальные признаки, дифференциальные признаки

©Дорошенков В.А., Амахина С.А., Сеницына Ю.Н., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2024; дата приема в печать: 04.12.2024.

Для цитирования: Дорошенко В.А., Амахина С.А., Синицына Ю.Н. Труды А.М. Мухина: два закона функционирования языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 175–189. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-175-189>

Works of Anatoliy M. Mukhin: Two Laws of Language Functioning

Valery A. Doroshenkov¹  , Svetlana A. Amakhina² , Yulia N. Sinitsyna¹ 

¹ Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russian Federation

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint. Petersburg, Russian Federation
 valdor1737@gmail.com

Abstract. Theoretical postulates of linguistic analysis contained in nine Mukhin's monographs are researched. Based on the methods of linguistic modeling and experiment, these works described more than 400 elementary syntactic units — syntaxemes: positional, optional, combinatorial. Syntaxeme is a unique unit — invariant. Syntax and semantic features make up the content of the syntaxeme. The content features of syntaxemes are diagnosed on the basis of their distributional features. Studies of functional syntax have revealed a number of regularities: syntaxemes are system units endowed with syntactic and semantic features; differential syntactic features are asemantic and reflect the functions of the components in the structure of the sentence, that is, they are elementary units. The repetition of features, the oppositional series of syntaxemes, the autonomy and originality of synsemantic and syntactic features proper are the regularities concerning the interaction of syntaxemes and components of a sentence. The purpose of the article is to formulate the established regularities of functional syntax associated with the functioning of newly discovered syntactic units. The novelty of the work lies in the substantiation of the two laws of language discovered by A.M. Mukhin. The first law concerns the interaction of sentence components and syntaxemes and states that linguistic reality does not allow mixing of the syntactic feature of homogeneity and syntactic-semantic features, which are carried by the components of the sentence and syntaxemes. The second law is about the repetition of features of syntaxemes. These features allowed A.M. Mukhin to establish 27 oppositional rows of syntaxemes.

Keywords: syntaxeme, clause components, syntactic-semantic features, syntactic features, class-forming features, categorical features, differential syntaxeme features

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 30.07.2024; accepted: 26.12.2024.

For citation: Doroshenkov, V.A., Amakhina, S.A., & Sinitsyna, Yu.N. (2025). Works of Anatoliy M. Mukhin: Two Laws of Language Functioning. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 175–189. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-175-189>

О системе выражения мыслей и о синтаксических законах функционирования синтаксических единиц

За всю историю развития языков наиболее подвижными были сферы письменности, фонетики и морфологии. Об этом с уверенностью можно судить по количеству законов и постулатов, положения которых касаются, в основном, фонологического и морфологического уровней языка. Одни из этих законов охватывают небольшой период времени в жизни того или иного языка, другие касаются жизни языка на всем протяжении его истории. Таков, например, закон Ф.Ф. Фортунатова — Ф. де Сессюра о продвижении ударения в балтийских и славянских языках. Существует также постулат о непреложности фонетических законов [1]. Иначе обстоит дело в отношении синтаксического уровня организации языка. Несмотря на наличие множества синтаксических теорий в настоящее время, нет, насколько нам известно, законов, касающихся функционирования языка. Специалисты по общему языкознанию отмечают, однако, что «система выражения мыслей в современных языках стала более стройной и упорядоченной» [2. С. 1600]. Надо полагать, что эти признанные стройность и упорядоченность обеспечиваются стройной и упорядоченной синтаксической структурой и системой. Синтаксический уровень является достаточно автономной системой в большинстве языков мира [2]. Параллельное развитие морфологических систем мало затрагивает синтаксис. Во многих языках эргативного строя, не развивших свою систему склонения, выработалась морфологическая система согласования синтаксических единиц (приглагольные префиксы), отличная от системы склонения европейских языков, при этом сама синтаксическая система этих языков не претерпела существенных изменений: субъектно-объектные отношения никуда не денешь [3. С. 68].

В нашем диахроническом исследовании качественных синтаксических единиц английского языка было установлено, что содержательные признаки этих единиц не претерпели никаких изменений со времен первых письменных источников по настоящее время. Увеличилось количество вариантов синтаксемы, отпали флексии, а базовые формы частей речи и дистрибутивные формальные признаки вариантов остались неизменными [4]. Многие другие диахронические исследования свидетельствуют об относительной стабильности синтаксической структуры и системы.

За счет чего же отмеченная Б.А. Серебренниковым система выражения мыслей в современных языках «стала более стройной и упорядоченной»? Конечно, она является таковой не только за счет логики, логической семантики и здравого смысла. В норме люди овладевают языком до школы. В школе детей учат владеть языком сознательно. Основным средством в этом деле служат части речи и члены предложения. Грамматика — это язык, на котором ведется обучение языку. Обучение предполагает знание грамматики. Однако это знание грамматики, которое стоит за заслуженными понятиями членов предложения, — это знание не может пролить свет на механизмы

языка, даже независимо от того, что оно получено с учетом языковой реальности — членимости речи. Американские лингвисты справедливо отмечали: обучать членам предложения — значит обучать не единицам языка, а понятиям. И действительно, мы располагаем лишь смысловыми определениями: подлежащее — это главный член двусоставного предложения, обозначающий предмет...; сказуемое — это главный член двусоставного предложения, обозначающий признак (действие, состояние, свойство, качество) того предмета, который выражен подлежащим [5. С. 370–384].

В академической грамматике 1982 года еще интереснее: «... в образцах подлежащно-сказуемых предложений... первый компонент — Им.п. или инфинитив, заключающий в себе значение семантического субъекта, называется подлежащим; второй компонент — форма, заключающая в себе значение предикативного признака, называется сказуемым» [5. С. 94]. В американской грамматике: «Subject: The word or group of words about which a verb makes a statement» [6. С. 527]; «Predicate: the verb together with all or any complements and modifiers of the verb» [6. С. 517]. Второстепенные члены предложения определяются по Митрофанушке — исходя из смысла термина: определение что-то определяет, дополнение что-то дополняет и т.д. Ну и пусть это все работает с успехом в школе. А что происходит в языковой действительности? Чтобы это понять, необходимо обратиться к трудам А.М. Мухина.

Для начала приведем краткий обзор трудов А.М. Мухина, составленный с учетом обозначенной в названии статьи темы. В 1964 г. вышла в свет монография «Функциональный анализ синтаксических элементов». Она была посвящена индуктивному выведению функциональной синтаксической единицы или синтаксического инварианта, названного автором синтаксемой. Автором описано 27 синтаксем на материале древнеанглийского языка. Каждая из них представлена некоторым количеством вариантов, используемых в одной и той же или разных позициях. Содержание каждой синтаксемы составляют дифференциальные синтаксико-семантические признаки, определяемые условиями ее функционирования в языковой реальности [7]. Понятие синтаксико-семантического признака принципиально отличается от понятия синтаксического значения как чего-то цельного, нечленимого. Последнее отражает какой-то один признак, игнорируя другие возможные дифференциальные признаки, в результате чего мы не можем получить полную характеристику синтаксической единицы. И еще: синтаксико-семантический признак — это признак, устанавливаемый с учетом синтаксического функционирования элемента.

По признанию самого автора, цель, поставленная в этой книге, не была полностью осуществлена. Потребовалось обстоятельно изучить природу синтаксических связей, обнаруживаемых в структуре предложений. В результате было уточнено само понятие синтаксической связи, а вместе с ним и структуры предложений, под которой стали пониматься «компоненты предложений в их неразрывном единстве с существующими между ними синтаксическими

связями» [8. С. 215]. В работе уделено много места моделированию предложений, возникли новые понятия: юнкционная модель и компонент предложения. Было изучено 50 юнкционных моделей. Представлены новые элементарные синтаксические единицы — компоненты предложения, наделенные присущими им дифференциальными синтаксическими признаками, такими как ядерность, зависимость, предидируемость и др. Показано, чем отличается понятие «компонент предложения» от понятия «член предложения». Компонент предложения — это синтаксическая единица, член предложения — это синтаксическое понятие... Все это сделано было в работе «Структура предложений и их модели» [8]. Все дальнейшие исследования А.М. Мухина были посвящены структурному и функциональному синтаксису. При строгом последовательном анализе с опорой на методы лингвистического эксперимента и моделирования было описано около 400 синтаксем. В этой работе приняли участие десятки аспирантов А.М. Мухина. Завершающие работы А.М. Мухина были посвящены уточнению многих базовых понятий и методов: «Эксперимент и моделирование в лингвистике. Структурный синтаксис» (2004) [9]; «Функциональный синтаксис. Функциональная лексикология. Функциональная морфология» (2007) [10].

В указанных выше работах А.М. Мухина функционирование элементарных синтаксических единиц — компонентов предложения и синтаксем, функционирование структурных единиц языка — предложений было подвергнуто фундаментальному анализу. На страницах этих работ освещены закономерности, постулаты и правила функционирования системы и структуры языка.

О двух законах функционирования синтаксических единиц

Одна из закономерностей гласит: «Языковая действительность исключает возможность смешения синтаксических и синтаксико-семантических признаков» [9]. Закономерность — это прочное, повторяющееся явление. Последовательное разграничение в речи указанных двух типов признаков обеспечивает адекватность речи. Нарушения этой закономерности ведут к абсурду и парадоксам. Установление закономерности — «одна из ступеней познания человеком единства и взаимосвязи явлений»¹.

Синтаксемы и компоненты предложения едины в том, что в них проявляется система и структура синтаксического уровня организации языка [18], [19]. При всем их различии они взаимосвязаны: синтаксемы функционируют в позициях компонентов предложения. Необходимость в соблюдении указанной закономерности с особенной остротой заявила о себе при определении дифференциальных признаков синтаксем в предложениях с координативной (сочинительной) связью.

Дело в том, что определение дифференциальных признаков синтаксем в позиции подлежащего (ядерного предидируемого компонента) в предложениях

¹ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975.

с координативной связью не вызывает особых затруднений в тех случаях, когда синтаксемы в позициях однородных сказуемых наделены близким по смыслу содержанием и сходными синсемантическими признаками².

Это можно показать на примере следующих предложений: (1) *They heard him stir and clear his throat*; (2) *They were graded and placed there*. (3); *He was innocent and foolish*. Каждое из этих трех предложений содержит в себе по два однородных сказуемых и в позициях этих однородных компонентов обнаруживаются две одинаковые синтаксемы: в первых двух предложениях — акциональные (из класса процессуальных синтаксем) — в третьем квалитативные (из класса квалификативных синтаксем). При этом все однородные сказуемые в каждом предложении объединены координативной связью. Однако синтаксико-семантическое содержание синтаксем в позиции подлежащего (второе и третье предложение) и в позиции так называемого второго подлежащего — неядерного зависимого предикцируемого компонента (первое предложение) определяются их связями со всеми синтаксемами в предложении. Так, элемент *him* (первое предложение) связан субординативной связью с синтаксемой в позиции сказуемого, и на этом основании он наделен признаком объектности (Ob), а на основании неядерной предикативной связи — с синтаксемами в позициях однородных компонентов, вследствие чего он приобретает признак агентивности (Ag). Таким образом, в целом эта синтаксема, выраженная местоимением, является субстанциальной объектной агентивной — SbObAg. В отличие от нее во втором предложении мы имеем субстанциальную объектную синтаксему. В третьем же предложении на основании ядерной предикативной связи синтаксема является субстанциальной носителем качества (SbQlt), — других признаков у нее нет, как нет и других синтаксических связей в этом предложении. Относительная легкость определения признаков синтаксем в позициях подлежащих в этих предложениях обусловлена тем, что все синтаксемы в позициях однородных сказуемых наделены общим для них признаком: в первых двух предложениях — процессуальным, в третьем — квалификативным.

Иначе обстоит дело, когда синтаксемы в позициях однородных сказуемых наделены разными дифференциальными признаками [11. С. 85]. На предложения с такой синтаксической организацией мысли обратил внимание А.М. Пешковский, который описал их под общей рубрикой «Слитные предложения» [12. С. 441–454]. Имелись в виду предложения, в которых однородные члены, объединенные сочинительным союзом, не казались однородными по их смыслу: *Червонец был запачкан в пыли; Он ... очень быстро и в разных направлениях шевелил пальцами*. Пешковский не ставил себе задачу определить синтаксическое содержание однородных членов и связанных с ними

² Американские пособия по стилистике рекомендуют использовать сочинительные союзы с близкими по смыслу однородными членами.

элементов в позиции подлежащего. Его устраивал психологический подход: в таких предложениях «работает «сознание однородности» [12. С. 442]. На основании этого сознания в одну рубрику попали и «беспроблемные» предложения с однородными членами, и особые предложения, названные Пешковским *слитными*. Позднее эти предложения стали называться предложениями с однородными глагольными сказуемыми смешанного состава.

В английском языке также имеется значительное количество предложений типа: *You were born poor and on a farm* (4). Подобные предложения настаивают на их парадоксальностью уместной в развлекательной деятельности. Однако определение статуса синтаксем в позиции подлежащего при однородных сказуемых смешанного типа, в позициях которых обнаруживаются синтаксемы, хотя и вызывают определенные затруднения, но однозначно достигается с опорой на действующие в языковой действительности законы.

Одним из них является закон, который мы называем первый закон А.М. Мухина: «Языковая действительность исключает возможность смешения синтаксических и синтаксико-семантических признаков» [9. С. 102]. Этот закон охватывает явления двух сфер синтаксиса: его структуру и систему. В структурной сфере работают синтаксические связи и компоненты предложения. В системной сфере — синтаксемы и их синтаксико-семантические и формальные признаки [13. С. 49]. Здесь уместно привести определение синтаксемы, данное ее автором: синтаксема — «это синтаксическая единица-инвариант, представленная в языке системой вариантов, которые могут быть выражены как отдельными лексемами, относящимися к той или иной части речи, так и синтаксически неделимыми сочетаниями лексем со служебными элементами; ее содержание составляет синтаксическая семантика, или, точнее, дифференциальные синтаксико-семантические (синсемантические) признаки, которые находят свое проявление в специфической для данной синтаксемы системе вариантов и в ее дистрибутивных особенностях (сочетаемости с другими синтаксемами, позиционных возможностях и местоположении)» [14. С. 12–13].

Первый закон предполагает, что в исследовании синтаксического статуса предложений мы должны последовательно различать с одной стороны — явления структурного синтаксиса (компоненты предложений и синтаксические связи), и синтаксемы с их дифференциальными признаками с другой. Последнее также обязывает при выделении синтаксем различать синтаксическую семантику и смысл. Исследования А.М. Мухина показали, что многие синтаксемы наделены такими сочетаниями содержательных признаков, которые с позиций смысла или логической семантики трудно совместить. Возьмем самый простой и очевидный пример. В предложении: *Helen was ordered to print the paper* синтаксема в позиции подлежащего наделена двумя вроде бы несовместимыми признаками объектности и одновременно агентивности, то есть *Helen* — это субстанциальная объектная агентивная синтаксема (SbObAg). Но что поделаешь — так диктуют синтаксические связи:

на основании ядерной предикативной связи *Helen* зеркально приобретает признак объектности. О том, что это так свидетельствует и форма сказуемого; на основании же неядерной предикативной связи с так называемым вторым сказуемым *Helen* приобретает признак агентивности. Этого хотел и носитель языка... Он хотел сказать, что *Helen* приказали, и она печатает.

Вернемся теперь к вопросу об определении того, какой синтаксической семантикой обладают синтаксемы в позициях однородных компонентов, а также и та синтаксема, которая функционирует в позиции подлежащего (ядерного предикатируемого компонента). Разобраться в этом нам необходимо для того, чтобы показать действие первого закона Мухина о разграничении или о несмешении признаков. Это можно показать на примере предложения *The family song was alive now and driving him down on the dark enemy* (Steinbeck)³.

Если забыть о достижениях современной лингвистики, то можно окунуться в мир смыслов и уловить мифическое «сознание однородности». Но и в этой области догадок едва ли можно будет доказать, что элементы *was alive* и *driving* однородны. Синтаксические признаки компонентов предложения асемантичны и отражают роль компонентов в структуре предложения. В этом плане компоненты *was alive* и *(was) ... driving* являются однородными ядерными предикатирующими компонентами предложения. Синтаксико-семантические признаки синтаксем отражают их собственное содержание. В приведенном выше предложении синтаксема *was alive* обозначает состояние, т.е. является стативной (из класса квалификативных синтаксем). Синтаксема *(was) driving* обозначает действие и является акциональной (из класса процессуальных синтаксем). Формальные, в том числе дистрибутивные признаки этих синтаксем, также различны: акциональная синтаксема имеет при себе объектную (*him*) и локативную синтаксему, с которыми не может сочетаться стативная синтаксема. С другой стороны, синтаксема *was alive* легко сочетается с компаративными элементами (ср.: *He was more alive now than an hour before*), с которыми не может сочетаться синтаксема *(was) driving*. Таким образом, как семантические признаки, так и их формальные диагностирующие признаки различны. Здесь достаточно оснований для того, чтобы не считать эти синтаксемы однородными. В языковой действительности нет и не может быть однородных синтаксем. Сложившаяся веками практика исключает возможность смешения синтаксических и синсематических признаков.

Таким образом, о распространении синтаксического признака однородности на эти две различные по содержанию и форме синтаксемы не может быть и речи. Об этом и говорится в первом законе Мухина. Необходимо отметить, что данная закономерность касается всех случаев взаимодействия компонентов предложения и синтаксем и всех синтаксических связей (не только координативной).

³ Предложение заимствовано у А.М. Мухина [9. С. 102].

Теперь обратимся ко второй закономерности, первые представления о которой начали возникать в самом начале изучения синтаксем. Дело в том, что содержание синтаксем определяется не прямым смыслом, как у слов, а на основе категориальных (обобщающих) признаков, которых у каждой синтаксемы обычно несколько (т.н. «пучок признаков»). И вот оказалось, что отдельные признаки повторяются в нескольких синтаксемах. Тогда же было высказано предположение о возможности объединения синтаксем в серии «на основании общности того или иного признака». И далее А.М. Мухин пишет: «Так, по признаку посессивности внутри категории субстанциальных синтаксем объединяются шесть синтаксем (собственно посессивная, посессивно-агетивная, посессивная носителя качества, посессивно-локативная, посессивно-темпоральная и посессивная целого) ...по признаку квалитативности внутри категории квалитативных синтаксем выделяется серия из трех синтаксем (собственно квалитативная, квантитативно-квалитативная и релятивно-квалитативная» [15. С. 256–257].

Наиболее полное изучение синтаксем началось в книге 1980 г. А.М. Мухина «Синтаксемный анализ и проблема уровней языка» [16]. Здесь во всех основных функциональных классах синтаксем (субстанциональном, процессуальном и квалитативном) было обнаружено 78 дифференциальных синтаксико-семантических признаков. Возникла новая тема: исследование богатой вариантности синтаксем. Анализу были подвергнуты синтаксемы только одного функционального класса — субстанциальные синтаксем [17]. Было исследовано 76 субстанциальных синтаксем и обнаружено в них 37 дифференциальных синтаксико-семантических признаков. Такое количество синтаксических единиц не было известно лингвистике ранее... При этом некоторые синтаксемы в зависимости от их содержания, оказались представленными двумя-тремя вариантами, другие синтаксем — двумя-тремя десятками вариантов.

Такое обилие синтаксических единиц настоятельно взывало к их системной упорядоченности. В связи с этим А.М. Мухин пишет: «Что же заставляет нас различать, например, не одну посессивную или одну агентивную, или одну каузальную синтаксему и т.д., а целые ряды синтаксем, объединенных общим, ведущим для них синтаксико-семантическим признаком: оппозитивные ряды посессивных, агентивных, каузальных синтаксем и другие? В цепи таких побудительных причин нужно выделить прежде всего необходимость более или менее полного определения вариантов каждой синтаксем, которые могут различаться как по своему составу, так и по их употребительности» [17. С. 228].

Глубокое изучение оппозитивных рядов из класса субстанциальных синтаксем, а также коррелятивных рядов синтаксем из классов субстанциальных, процессуальных и квалитативных позволило А.М. Мухину подтвердить сформулированную им ранее закономерность,

которая называет важнейшую особенность системной организации языка: «Правилом является то, что синтаксико-семантический признак не замыкается какой-то отдельной синтаксемой, но повторяется в другой или других синтаксемах» [16. С. 183].

Из этой закономерности А.М. Мухин выводит основной постулат: «Контрольный принцип системного исследования, которого стоит придерживаться в синтаксемном анализе: при выделении этого или иного синтаксико-семантического признака в содержании синтаксемы исследователь должен учитывать возможное наличие в языке другой или других синтаксем, наделенных этим содержательным признаком» [17. С. 184]. Таким образом, коротко этот закон можно сформулировать так: закон о повторяемости признаков.

Следуя установившейся традиции — присваивать закону имя его первооткрывателя, — назовем и этот закон — закон о повторяемости признаков, — вторым законом А.М. Мухина.

Дальнейшее исследование синтаксем, наиболее полно представленное в книге «Функциональный синтаксис», показало, что по сравнению с началом работ, количество синтаксем возросло в десяток с лишним раз. В конце указанной книги приводится «Указатель синтаксем» [14. С. 181–183]. По разным причинам, в «Указателе» представлены далеко не все синтаксем, упомянутые в тексте. Ниже приводим распределение количество синтаксем и их признаков по классам синтаксем (табл.).

**Количество синтаксем и их признаки по классам /
Number of syntaccemes and their attributes by classes**

Класс синтаксем /Class of syntaccemes	Количество синтаксем / Number of syntaccemes	Количество признаков / Number of features
Субстанциальные / Substantive	146	51
Процессуальные / Procedural	88	20
Квалификативные / Qualification Total:	62	34
Итого: / Total:	306	105

Источник: составлено В.А. Дорошенковым, С.А. Амахиной, Ю.Н. Синицыной / Source: compiled by Valery A. Doroshenkov, Svetlana A. Amakhina, Yulia N. Sinitsyna.

Как видно из таблицы, количество субстанциальных синтаксем по сравнению с 1995-м г. удвоилось, а количество признаков значительно уменьшилось, что связано с уточнением номенклатуры признаков. Особый интерес представляет класс кваликативных синтаксем. Из 34 признаков, присущих синтаксемам этого класса, только один признак не повторяется в синтаксемах двух других классов. Из этих же 34 признаков — 12 повторяется в классе процессуальных синтаксем и 25 — в классе субстанциальных. 9 признаков повторяется во всех трех классах синтаксем. Например, признак стативности (состояния St) повторяется в следующих синтаксемах: процессуальной стативной длительной (PrStCnt): *I think I asked her how she was feeling* (Christie); кваликативной объектной стативной (QlObSt): *Nor suddenly began to feel extremely nervous...* (Murdock); субстанциальной объектной стативной (SbObSt): *He lamented his blindness* (Maugham).

Очевидно, этими повторами и поддерживается системная «солидарность» признаков, поддерживающая общность их синтаксической природы. В 9 самых повторяющихся вошли: каузальный (Cs), стативный (St), континуативный (Cnt), гипотетический (Hpt), комитативный (Cmt), объектный (Ob), косвенно-объектный (Ob), компаративный (Cmp), посессивный (Pss).

В одной из американских грамматик английского языка, ориентированной на учащихся, констатируется: «The billions of people who over thousands of years, have constructed the English language have not been striving for logic and symmetry; they have been striving for communication» [6. P. 8]. (Ср. (перевод наш — авторы статьи): Миллионы людей, которые тысячелетиями создавали английский язык, не стремились к логике и симметрии: они стремились к коммуникации). Из чего делается вывод о том, что ученым не следует втискивать человеческую речь в более логичную и симметричную систему, чем тот язык, который эта система (грамматика) описывает.

Выводы

Установленные Мухиным закономерности объясняют механизм осуществления стабильной и упорядоченной речи: все смысловые, логические, речемыслительные процессы (актуальное членение и др.) осуществляются на базе двух рядов синтаксических единиц, обеспечивающих структурную и системную организацию языка на базе компонентов предложения и синтаксем. Носители языка пользуются закономерностями языка подсознательно.

Можно охотно согласиться с тем, что носители языка не пекутся о его системном устройстве. Но из этого не следует, что язык общающихся лишен всякой системы. Будь это так, — не только взаимопонимание, но и сам язык были бы невозможны. Игнорирование системной архитектоники языка привело П. Робертса к тотальной эклектике, к смешению сущности частей речи и членов предложения, к описанию конструкций (в его номинации): Infinitive

Plus Subject (I want him to go away); Subject of the Gerund (I was annoyed by his talking), в которых, по его мнению, местоименные элементы *him*, *his* являются подлежащими. Только не владея системными знаниями, можно так запутывать учащихся.

Стройная и упорядоченная система выражения мыслей может осуществляться только на базе стройной и упорядоченной системы языка. Ученые не ставят себе задачу создать жесткую логическую модель языка с тем, чтобы навязать ее носителям языка. Их цели более скромные — объяснить сложившуюся систему и установить закономерности, присущие ей. Однако объяснение невозможно в условиях, когда не установлены дискретные единицы, составляющие систему. О возможном существовании таких единиц писал Ф. де Соссюр, размышляя об объяснительной лингвистике. Выше мы отметили, что традиционная грамматика не располагает такими единицами, по крайней мере в синтаксисе. В отечественном языкознании само появление понятия элементарной, синтаксически далее неделимой, единицы — синтаксемы еще не давало возможности устанавливать какие-либо закономерности. Только в результате многолетних исследований появилось значительное количество экспериментально установленных синтаксем во всем многообразии вариантов их существования. Только после этого были определены оппозитивные ряды синтаксем, появился новый терминологический аппарат и опробованы методы лингвистического анализа, а также появилась возможность сформулировать наблюдаемые закономерности.

Законы функционирования языка, открытые А.М. Мухиным, подлежат дальнейшему изучению в аспекте многих сторон: сферы применения, возможных ограничений, ошибок в интерпретации результатов, этапа, на котором применяется, простоты — сложности, эвристической ценности новизны получаемых знаний, уместности использования эвристического аппарата. Такова судьба всех открытий — они открывают пути для новых поисков.

Список литературы

1. Журавлев В.К. Постулат непреложности фонетических законов и современная компаративистика // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 27–36.
2. Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М. : Наука, 1968.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972.
4. Дорошенко В.А. О взаимодействии морфологических и синтаксических единиц (на материалах качественной синтаксемы) // Синтаксис и морфология языков различных типов. Лингвистические исследования. М. : Академия наук СССР. Институт языкознания, 1978. С. 72–76.
5. Русская грамматика. Синтаксис. Институт языкознания Академии Наук. М.: Академия Наук, 1982.

6. Roberts P. Understanding Grammar. New York & London : Harper, 1964.
7. Ashurov S.S. Some comments on the analysis of active and stative syntaxeme in the function predicate // Journal of critical reviews. 2020. № 7(18). P. 4580–4583. <https://doi.org/10.31838/jcr.07.18.571>
8. Мухин А.М. Структура предложений и их модели. Л. : Наука, 1968.
9. Мухин А.М. Эксперимент и моделирование в лингвистике. Структурный синтаксис предложения. СПб. : Наука, 2004.
10. Мухин А.М. Функциональный синтаксис. Функциональная лексикология. Функциональная морфология. СПб.: Наука, 2007.
11. Ванчигова Е.А. Роль синтаксемы в оформлении предикативных отношений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11(65). С. 84–86. EDN: XYASLD
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Министерство просвещения РСФСР, 1956.
13. Shramko R., Rakhno M. The Issue of Lexical and Grammatical Representation of the Object Syntaxeme in Sentences with Subject Attitude Predicates — Constituents of Isofunctional Two-/Threecomponent Syntactic Paradigms // Linguistic Studies. 2019. Vol. 37. P. 49–55. <https://doi.org/10.31558/1815-3070.2019.37.8>
14. Мухин А.М. Функциональный синтаксис. СПб. : Наука, 1999.
15. Мухин А.М. Функциональный анализ синтаксических элементов (на материале древнеанглийского языка). М. : Наука, 1964.
16. Мухин А.М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. Л. : Наука, 1980.
17. Мухин А.М. Вариантность синтаксических единиц. СПб. : Наука, 1995.
18. Дорошенко В.А., Амахина С.А., Сеницына Ю.Н. Конфигурации совокупностей синтаксико-семантических признаков как реальный аппарат речевой деятельности // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. 2025. № 2 (125). С. 15–20.
19. Дорошенко В.А., Амахина С.А., Сеницына Ю.Н. Ведущие и дополнительные признаки синтаксем // Язык науки и техники. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 24–31.

References

1. Zhuravlev, V.K. (1984). The postulate of the immutability of phonetic laws and modern comparative studies. *Voprosy Jazykoznanija*. (4), 27–36. (In Russ.).
2. Serebrennikov, B.A. (1968). *On the relative independence of the development of the language system*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Katsnelson, C.D. (1972). *Functional analysis of syntactic elements (based on the Old English language)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Doroshenkov, V.A. (1978). On the interaction of morphological and syntactic units (based on the qualitative syntaxeme). In: *Syntax and morphology of languages of various types. Linguistic research* (pp. 72–76). Moscow: Academy of Sciences USSR. Institute of Linguistics publ. (In Russ.).
5. Russian Grammar. (1982). Syntax. Vol. II. Ch.1. Moscow: Academy of Sciences publ. (In Russ.).
6. Roberts, P. (1964). *Understanding Grammar*. New York & London.
7. Ashurov, S.S. (2020). Some comments on the analysis of active and stative syntaxeme in the function predicate. *Journal of critical reviews*, 7(18), 4580–4583. <https://doi.org/10.31838/jcr.07.18.571>
8. Mukhin, A.M. (1968). *The structure of sentences and their models*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

9. Mukhin, A.M. (2004). *Experiment and Modeling in Linguistics. Structural syntax of a sentence*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
10. Mukhin, A.M. (2007). *Functional syntax. Functional lexicology. Functional morphology*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
11. Vanchikova, E.A. (2016). The role of the syntaxeme in predicative relations. *Philology. Theory & Practice*, (11), 84–86. (In Russ.). EDN: XYASLD
12. Peshkovsky, A.M. (1956). *Russian syntax in scientific coverage*. Moscow: Ministry of Education of the RSFSR. (In Russ.).
13. Shramko, R., & Rakhno, M. (2019). The Issue of Lexical and Grammatical Representation of the Object Syntaxeme in Sentences with Subject Attitude Predicates — Constituents of Isofunctional Two-/Threecomponent Syntactic Paradigms. *Linguistic Studies*, (37), 49–55. <https://doi.org/10.31558/1815-3070.2019.37.8>
14. Mukhin, A.M. (1999). *Functional syntax*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
15. Mukhin, A.M. (1964). *Functional analysis of syntax elements (In the material of ancient English language)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
16. Mukhin, A.M. (1980). *Syntaxsem analysis and the language levels problem*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
17. Mukhin, A.M. (1995). *Variation of syntactic units*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
18. Doroshenkov, V.A., Amakhina, S.A., & Sinitsyna, Yu.N. (2025). Configurations of Syntactic-semantic Features as a Real Apparatus for Speech Activity. *Bulletin of Lugansk State Pedagogical University. A series of Philological sciences*, 2(125), 15–20. (In Russ.).
19. Doroshenkov, V.A., Amakhina, S.A., & Sinitsyna, Yu.N. (2022). Leading and Additional Features of Syntaxemes. In: *The language of science and technology. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference* (pp. 24–31). Omsk. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Дорошенко Валерий Александрович, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и иностранных языков и литературы, факультет гуманитарного образования, Краснодарский государственный институт культуры (350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. 40-летия Победы, д. 33); *сфера научных интересов*: функциональный синтаксис английского языка, лингвистический анализ в диахронии, лингвистический анализ в типологических исследованиях, переводоведение; *e-mail*: valdor1737@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1250-9130. SPIN-код: 1859-9085. AuthorID: 528672.

Амахина Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, факультет иностранных языков, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 109 литера Б); *сфера научных интересов*: функциональный синтаксис, лингвистические модели при обучении переводу с английского языка на русский; *e-mail*: s-amakhina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4028-2079. SPIN-код: 7454-5330. AuthorID: 651334.

Синицына Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков и литературы, факультет гуманитарного образования, Краснодарский государственный институт культуры (350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. 40-летия Победы, д. 33); *сфера научных интересов*: дискурс анализ, методика преподавания иностранного языка, функциональный синтаксис английского языка, межкультурная коммуникация; *e-mail*: tiida07@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1127-363X. SPIN-код: 8312-8803. AuthorID: 689568.

Information about the authors:

Valery A. Doroshenkov, PhD in Philology, Professor of the Russian and English Language and Literature Department, Faculty of Humanitarian Education, Krasnodar State Institute of Culture (33, 40th anniversary of the Victory Str., Krasnodar, Russian Federation, 350072); *Research interests*: functional syntax of the English language, linguistic analysis in diachrony, linguistic analysis in typological research, translation studies; *e-mail*: valdor1737@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1250-9130. SPIN-код: 1859-9085. AuthorID: 528672.

Svetlana A. Amakhina, PhD in Philology, Senior Lecturer of Foreign Languages Department, Faculty of Foreign Languages, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (109 litera B, Politekhnicheskaya Str., Saint Petersburg, Russian Federation, 195251); *Research interests*: functional syntax, linguistic models for teaching translation from English into Russian; *e-mail*: kir-posternyak@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4028-2079. SPIN-код: 7454-5330. AuthorID: 651334.

Yulia N. Sinitsyna, PhD in Philology, Associate Professor of the Russian and English Language and Literature Department, Faculty of Humanitarian Education, Krasnodar State Institute of Culture (33, 40th anniversary of the Victory Str., Krasnodar, Russian Federation, 350072); *Research interests*: discourse analysis, methods of teaching a foreign language, functional syntax of the English language, cross-cultural communication; *e-mail*: tiida07@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1127-363X. SPIN-код: 8312-8803. AuthorID: 689568.